

© 2010 г. М.А. Гутиева

ПОЛИТИКА КОРЕНИЗАЦИИ КАДРОВ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1920-1930-Е ГГ.

Задача коренизации кадров в национальных окраинах СССР являлась одной из основных в государственном строительстве. Без ее решения было невозможно конструировать так называемую «позитивную этничность» в регионах, которая выражалась в поддержке советской власти при сохранении собственной культуры и местных традиций [1, с.116]. Во многом благодаря политике коренизации кадров большевикам удалось совместить лозунг «прав наций на самоопределение» с требованием единства государства. При этом набор инструментов для достижения поставленной цели был более или менее универсальным. Для создания руководящих и высококвалифицированных кадров администраторов, инженеров, научной, педагогической и творческой интеллигенции из представителей местных народов предусматривалось широкое привлечение их в систему среднетехнического и высшего образования. Подготовленные специалисты в национальных республиках имели преимущество при занятии должности в административном аппарате и в промышленности [2, с. 43]. С различных трибун из уст ответственных работников постоянно звучали призывы к тому, чтобы национальные меньшинства принимали самое деятельное участие в построении нового общества в СССР. На XII съезде партии Н.И. Бухарин прямо сказал о необходимости «купить себе настоящее доверие прежде угнетенных наций» через «искусственную постановку» русского населения в «положение более низкое по сравнению с другими» [3].

В резолюции XII съезда РКП(б) «По национальному вопросу» было обращено внимание членов партии на «особый вред и особую опасность уклона к великорусскому шовинизму», в том числе в вопросе расстановки кадров [4]. Выдвижение на первые должности проходило по двум критериям – принадлежности к коренной национальности и наличия революционной сознательности. Привлечение представителей коренных народов к выполнению

управленческих функций способствовало сближению органов власти с массами. Одновременно проводилось так называемое «выравнивание экономических уровней» отсталых республик за счет центральной России. Национальные районы получали массу льгот и поблажек. Не случайно председатель СНК А.И. Рыков отметил, что «колониальная политика, например, Великобритании, заключается в развитии метрополии за счет колоний, а у нас – колоний за счет метрополии» [5, с. 65]. В ряде мусульманских регионов были восстановлены суды шариата и адата, проявлена терпимость в отношении мусульманских норм поведения в обществе, в том числе и для коммунистов [6, с. 289]. В начале 1920-х гг. в Баку на бывшем заводе Нобеля принимается решение о переносе выходного дня с воскресенья на пятницу в интересах немногих работавших на заводе мусульман [7, ч. 145]. Желание большевиков любой ценой завоевать доверие местных народов иногда просто поражает. Например, в 1923 г. чеченский лидер Али Митаев, долгое время выступавший против Советской власти [8, с. 210], не был уничтожен, а приглашен в Ревком Чечни. Правда вскоре Али Митаев все-таки вступил в вооруженный конфликт с Советской властью и был разбит [9, с. 199].

Стремясь завоевать доверие местных жителей, руководство страны, например, в Чечне, выселяло проживавших там русских казаков с мест традиционного проживания. В октябре 1920 г. член Реввоенсовета Кавфронта Г.К. Орджоникидзе отдал приказ: «первое – станицу Калиновскую сжечь; второе – станицы Ермоловская, Закан-Юрт (Романовская), Самашкинская и Михайловская отдать беднейшему безземельному населению и, в первую очередь, всегда бывшим преданными соввласти нагорным чеченцам, для чего: все мужское население вышеназванных станиц от 18 до 50 лет погрузить в эшелоны и под конвоем отправить на Север для тяжелых принудительных работ; стариков, женщин и детей выселить из станиц...» [10, с. 165]. Этот приказ был выполнен, но почти сразу же, в конце 1920 г., началось восстание в горных районах Чечни, проходившее под лозунгом «освобождения Чечни и Дагестана от национального русского гнета». Проведение политики коренизации кадров на Северном Кавказе в начале 1920-х гг. было существенно затруднено. Советские административные органы столкнулись в этом регионе с теми проблемами, которые, либо были не характерны для других национальных территорий, либо стояли там не так остро. Главным образом, речь идет о национальном во-

просе, который так и не был решен самодержавием и достался большевикам как сложный клубок многочисленных противоречий, обусловленных влиянием целого комплекса факторов. Горское население Северного Кавказа, значительная часть которого оказывала долгое и упорное сопротивление действиям Российской империи по включению данной территории в ее состав, к началу 1920-х гг. относилось к любой администрации, контролируемой центром и подчиняющейся ему, с настороженностью, а в некоторых случаях – с открытой враждебностью. В этом смысле советская власть не воспринималась значительной частью горцев как некое принципиально новое явление в политической жизни страны, а представлялась всего лишь вариацией все той же власти «из центра». Подобное отношение, безусловно, объяснялось почти повальной неграмотностью населения и «оторванностью его от политической жизни страны» [11, с. 106], клановой замкнутостью. Такое положение вещей объективно приводило к тому, что горцы, вступившие в контакт с властью, прошедшие обучение и занявшие определенные посты в управленческом аппарате, рассматривались некоторой частью населения как наместники центра, завербованные если не враждебными, то чуждыми силами. Очевидно, это не способствовало привлечению широких масс местного населения к работе в создаваемых советских организациях и учреждениях.

Другим серьезным препятствием был крайне низкий процент грамотности населения. Проведенные в последние десятилетия исторические исследования говорят о том, что население северокавказских республик к началу 1920-х гг. было неграмотным практически поголовно [12]. В этих условиях было очевидным, что проблема коренизации кадров не могла быть решена прежде проблемы ликвидации неграмотности. Это, в свою очередь, привело к тому, что дело коренизации кадров в национальных республиках Северного Кавказа начало сдвигаться «с мертвой точки» только к началу 1930-х гг., тогда как в некоторых других автономиях эта проблема решалась существенно быстрее¹. Важной особенностью процесса подготовки и распределения национальных кадров было копившееся в регионе на протяжении сотен лет меж-

¹ Например, в Татарской АССР к концу 1920 г. на татарском языке делопроизводство велось в 1/5 сельских Советов, а в 1923 г. - уже в 50%. В волостных исполкомах в 1921 г. было 30,4% татар, в 1922 г. - 40,4%, а в 1924 г. - уже больше 50% // Климов И.М. Национальные моменты в государственном и партийном строительстве Татарии в восстановительный период. Казань, 1957.